

Кобеко Д.Ф. Цесаревич Павел Петрович. Историческое исследование Дмитрия Кобеко. СПб. : тип. В. Грацианского, 1882. Печатается по: Кобеко Д.Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754-1796). Историческое исследование. СПб.: «Лига плюс», 2001. С. 9–11.

Преобразовательная деятельность императора Петра Великого встретила сочувствие в малой лишь части русского общества. Большинство русских людей того времени не разделяло мыслей и взглядов государя. На стороне его противников стали первая его супруга и его сын и наследник, царевич Алексей Петрович. После смерти царевича, император, желая избрать себе наследником достойнейшего, издал 5-го февраля 1722 года постановление, в силу которого «было всегда в воле правительствующего государя, кому оный хочет, тому и определить наследство, и определенному паки отменить».

Смерть Петра Великого последовала ранее, чем он успел назначить себе преемника, и изданный им закон, открывая поле личному усмотрению царствующего государя и влияниям и интригам его окружавших, сделался одною из главных причин тех переворотов, которыми так обильна русская история в первой половине XVIII века.

Одним из таких переворотов возведена была на престол 25 ноября 1741 года дочь Петра Великого, императрица Елизавета. Предместник ее, малолетний император Иоанн Антонович и его родители, принц брауншвейгский Антон Ульрих и его супруга, принцесса Анна Леопольдовна, сосланы были в заточение.

Кроме этих членов брауншвейгской фамилии, представителей, по женской линии, потомства царя Иоанна Алексеевича, единственным в то время представителем потомства Петра Великого, также по женской линии, был племянник императрицы Елизаветы, герцог голштейн-готторпский Карл-Петр-Ульрих, сын старшей дочери Петра Великого, цесаревны Анны, от брака ее с герцогом Карлом Фридрихом. Призванный Елизаветою Петровною в Россию, он принял православие с именем Петра Федоровича, объявлен был наследником престола и, по желанию императрицы, вступил 21-го августа 1745 года в брак с принцессою ангальт-цербстскою, Софию-Августою-Фридерикою, нареченною Екатериною Алексеевною.

20 сентября 1754 года родился у них первенец — сын Павел.

«Всемогущему Господу Богу благодарение», — гласил манифест Императрицы Елизаветы Петровны 7-го октября 1754 г. «Наша вселюбезнейшая племянница, великая княгиня Екатерина Алексеевна, от имевшего бремени благополучное разрешение получила и даровал Бог Их Императорским Высочествам первородного сына, а нам внука Павла Петровича, что учинилось минувшего сентября в 20-й день».

«Лишь только сына моего спеленали, — рассказывает сама Екатерина¹, — Императрица Елизавета потребовала своего духовника, который нарек ребенка именем Павла, немедленно после чего она приказала повивальной бабке взять ребенка и следовать за нею. Я осталась на одре болезни...

На шестой день (25-го сентября) происходили крестины моего сына. Он едва было не умер от молочницы. Я могла узнавать о нем только украдкою: вопросы о нем были бы истолкованы в смысле сомнения в заботливости Императрицы, что было бы принято очень дурно. Впрочем, Елизавета Петровна взяла его в свои покои, спешила к нему, лишь только он начинал кричать и буквально душила его своим ухаживанием. Он помещен был в чрезвычайно жаркой комнате, спеленатый фланелью, в колыбели, обитой лисьим чернобурным мехом; покрывали его стеганым на вате атласным одеялом, сверх

¹ Catherine P. II, 216, 221, 224, 233.

которого настилали розового цвета бархатное одеяло, подбитое мехом; я сама видела его несколько раз так уложенным; пот выступал у него на личике и на всем теле. От этого произошло то, что когда он вырос, он простужался и заболел от малейшего ветра. Кроме того, он окружен был огромным числом старух, которые, благодаря их неразумным и бестолковым хлопотам, причиняли ему, вместо добра, и физическое и нравственное зло.

В самый день крестин Павла Петровича, Императрица, по окончании обряда, пришла в мою комнату и принесла мне, на золотом блюде, указ Кабинету о доставлении мне 100 000 рублей.

По прошествии сорока дней, Императрица, во второй раз, пришла ко мне, для молитвы. Я встала с постели, чтобы ее приветствовать, но она нашла меня столь слабою и похудевшею, что приказала мне сидеть во время чтения молитвы ее духовником. Сына моего внесли в мою комнату. Тут я увидела его в первый раз от рождения. Я нашла его очень хорошеньким; вид его немного меня порадовал, но, тотчас по окончании молитвы, Императрица удалилась и приказала унести его за собою.

После Пасхи следующего (1755) года, я, вместе с супругом, отправились в Ораниенбаум. Перед отъездом Императрица дозволила взглянуть мне на сына, в третий раз после его рождения. Чтобы дойти до него, нужно было пройти все покои Государыни; я нашла его, как уже говорено было, в удушливой жаре».

О рождении Павла уведомены были некоторые иностранные родственные дворы. С этою целью посланы были: в Вену — камергер барон Сивере, в Цербст — капитан Хрущов и в Стокгольм — камергер великого князя-родителя — Сергей Васильевич Салтыков, вслед за тем назначенный 6-го декабря 1754 года посланником, первоначально в Гамбург, а потом в Париж¹.

Около года длилось торжествование дня рождения Павла. Кроме балов и маскарадов при дворе, большая часть вельмож давали маскарады, которые Императрица почтила своим присутствием, Между прочим, у фаворита И. И. Шувалова был костюмированный бал, продолжавшийся 48 часов, и на котором маски сменялись. Тогда же была у него иллюминация, которою все восхищались².

Празднества эти не были обычными только формальностями. Екатерина Алексеевна, вышедшая замуж очень молодою за слабого здоровьем великого князя Петра Федоровича, в течение десяти лет супружества не имела детей и рождение ее первенца, Павла Петровича, приветствовано было не только как радость семьи царской, но и как залог утверждения наследственности престола, подвергавшейся в России в первой половине XVIII столетия столь частым колебаниям.

Рождение Павла воспел Ломоносов. Он высказывает новорожденному желание сравниться в делах с Петром Великим; ему предстояло, по мнению Ломоносова, освободить святыя места, вокруг которых «облек дракон ужасный» и перешагнуть чрез стены, отделяющие от России Китай. Затем, Ломоносов обращается к Богу, крепкому Вседержителю, с мольбою:

Ты подал отрасль нам единому;
Умножа благодать послы,
И впредь с Петром Екатерину
Рождением возвесели.

И Бог внял мольбе Ломоносова, 9-го декабря 1757 года Екатерина разрешилась от бремени дочерью. Мать просила императрицу дозволить назвать новорожденную Ее

¹ Баранов, т. III, № 10473, 10474 и 10485.

² АКВ, Т. V, с. 18, и Записки Штелина в ЧОИДР, т. III, с. 92.

именем¹, но Елизавета Петровна решила дать ей имя Анны, в честь старшей своей сестры, герцогини голштинской, матери великого князя Петра Федоровича. На шестой день Императрица окрестила ребенка и дала указ Кабинету о выдаче Екатерине 60 000 рублей. Столько же послала она и великому князю, что не мало увеличило его радость. После крестин начались празднества. «Говорят, — прибавляет Екатерина, — что в числе их были и очень блистательные, но я не видела ни одного, я оставалась в постели совсем исхудалая; вокруг меня не было ни души, потому что едва лишь разрешилась я от бремени, не только Императрица, как и в первый раз, взяла ребенка к себе, но под предлогом, что мне необходимо спокойствие, меня покинули все как несчастную бедняжку; никто не ступал ногою в мою комнату, никто меня не посещал, никто даже не осведомлялся о моем здоровье»...

Через год и три месяца (7 марта 1759 г.) великая княжна скончалась.

С. 14–15.

Елизавета Петровна не забыла Павла и на смертном своем одре. Умирая, она просила своего наследника, великого князя Петра Федоровича, доказать свою к ней признательность любовью к собственному его сыну, нежно любимому ею Павлу. К сожалению император Петр III, в течение своего шестимесячного царствования, не имел времени, да по своим личным качествам, не имел и средств заботиться о воспитании цесаревича Павла². Биограф его, Гельбиг, рассказывает, что Петр III проявлял к Павлу много нежности. Однажды он навестил его, поцеловал и сказал окружающим его с внутреннею добросердечностию: «Из него выйдет добрый малый. На первое время он может оставаться под прежним присмотром, но скоро я устрою его иначе и озабочусь его лучшим военным воспитанием, вместо теперешнего женственного»³.

Напротив того, австрийский посланник Мерси д'Аржанто свидетельствует, что Петр III со времени вступления на престол не обращал внимания на Павла, к которому всегда обнаруживал всем в глаза бросающееся нерасположение⁴. Отношения эти характерно выражаются в следующем факте:

20-го сентября 1755 г. назначено было производить Павлу по 30 000 р. в год⁵. Денег этих к началу царствования Петра III накопилось 120 000 р., а 4-го января 1762 г. генерал-прокурор Глебов объявил Высочайшее повеление сумму эту взнести немедленно в комнату Его Величества⁶.

Впрочем, Петр III принимал, кажется, участие в выборе лиц, приставленных к Павлу. Большинство их служило, до назначения к Павлу, в кадетском корпусе, главным начальником которого был, еще в бытность свою наследником, Петр III.

Обер-гофмейстер Павла, Панин, часто выражал желание, чтобы Государь обратил внимание на успехи учения его питомца своим личным присутствием на экзамене, но Петр III извинялся под тем предлогом, что он ничего не понимает в этих вещах. Наконец, вследствие усиленных просьб двух его дядей, принцев голштинских, он решился удовлетворить желание Панина. Когда испытание кончилось, Государь сказал громко своим дядям: «Господа, говоря между нами, я думаю, что этот плутишка знает эти

¹ Catherine II, P. 304.

² Титул цесаревича присвоен был Павлу формою церковного возношения при вступлении на престол Петра III. — П. С. 3. № 11394. 27-го декабря 1761.

³ Helbig, Biographie Peter des Dritten. Tübingen, 1808–1809. В. II, S. 75, то же говорит и Штелин в ЧОИ и др., т. III, с. 102.

⁴ Сб. РИО, т. XVIII, с. 83. Ср. донесение французского посланника Бретеля, Cour, P. 191.

⁵ П. С. 3., № 10468.

⁶ Рукопись в Гос. Арх. II, 80.

предметы лучше нас». Затем, в знак одобрения, он пожаловал его капралом гвардии; Панин возражал против этой награды, убежденный, что она вскружит голову великому князю и даст ему повод думать, что он уже взрослый человек, и император согласился отменить свое распоряжение¹.

Хотя Петр III не только оставил Панина при Павле, но и пожаловал его 6-го апреля 1762 г. действительным тайным советником², а 2-го мая орденом Андрея, но доверия к нему не имел. При Панине постоянно находился, для наблюдения за ним, один из флигель-адъютантов Петра III³.

Екатерине также в это время не было возможности заниматься Павлом. Положение ее в царствование Петра III было тяжело и ей угрожали опасности. В обстоятельном манифесте о вступлении своем на престол⁴, Екатерина сама свидетельствует, что Петр III не восхотел объявить Павла Петровича наследником и что в его царствование она видела себя с сыном в гонении и почти крайнем отделении от императорского дома.

Кроме того, Екатерина должна была скрывать рождение Алексея Григорьевича, впоследствии графа Бобринского. «Известно мне, — писала Бобринскому Екатерина⁵ в 1781 г, когда он уже оканчивал воспитание в кадетском корпусе и шла речь об обеспечении его состояния и об устройстве его будущности, — что мать ваша, быв угнетаема разными неприятными и сильными неприятелями, по тогдашним смутным обстоятельствам, спасая себя и старшего своего сына, принуждена нашлась скрыть ваше рождение, воспоследовавшее 11 апреля 1762 г.»

Ребенок отдан был на попечение гардероб-мейстера Шкурина и тайна его рождения была сохранена.

С. 18–21.

Двор цесаревича Павла Петровича состоял в начале царствования Екатерины из следующих лиц:

Обер-гофмейстер **Н. И. Панин.**

Информатор **Тимофей Иванович Остервальд.**

При Его Высочестве:

Князь **Иван Сергеевич Барятинский.**

Степан Васильевич Перфильев.

Карл Иванович фон-дер-Остен-Сакен.

Семен Андреевич Порошин.

Петр Иванович Пастухов, суб-информатор.

Из числа этих лиц учителями Павла были: Остервальд — истории, географии и языков русского и немецкого и Порошин — арифметики и геометрии. Закон Божий преподавал ему архимандрит Платон, а физику и астрономию — Франц Иванович Эпинус.

¹ Daschkow, P. 42.

² О подробностях этого пожалования см. Daschkow, P. 43.

³ Рассказ Панина, записанный Ассбурггом. По предположению г. Бартенева (РА 1879, т. III, с.365 и 367) это был Порошин, но предположение это более чем сомнительно. При Павле состояли три флигель-адъютанта Петра III: Князь И. С. Барятинский, Перфильев и Порошин, пожалованные в это звание в один и тот же день, 31-го декабря 1761 г. (Баранов, №11928), но Порошин назначен кавалером при Павле только 28-го июня 1762 (предисл. к Запискам, стр. XVI), т.е. только в день воцарения Екатерины.

⁴ Манифест 6 июня 1762.

⁵ РА, 1876, т. IX, с. 13.

Затем идет ряд учителей искусств. Андрей Ангилеевич Греков учил его рисованию, Гильфердинг и Гранже — танцованию, Тед и Тремаундо — фехтованию, Манфредини — музыке, актер Бомон — декламации.

Должность библиотекаря занимал Франсуа.

Врачами при нем состояли Крузе и Фусадье¹.

Не бесполезно ознакомиться с главнейшими из этих лиц.

Панин (1718–1783) начал службу в конной гвардии, где в 1740 г. из вахмистров произведен в корнеты; в 1743 г. пожалован камер-юнкером; в 1747 г. назначен посланником в Данию; в 1748 г. переведен в Швецию и в 1760 г. определен, как уже сказано, обер-гофмейстером Павла.

Еще в царствование Елизаветы Петровны канцлер граф Воронцов и И. И. Шувалов неоднократно предлагали Панину должность вице-канцлера, но он от того твердо и непоколебимо отказывался, желая быть только при Павле Петровиче. Тем не менее, при императрице Екатерине Панину поручено было, в 1763 году, управление иностранною коллегиею². Поэтому он не мог уже всецело посвящать себя делу воспитания великого князя; занятия по новой должности, а затем заботы об упрочении своего положения, среди придворных интриг, отнимали у него немало времени. Должность обер-гофмейстера при Павле, о правах которого он заявлял при восшествии на престол Екатерины, давала ему такое значение, что враждебная ему партия пыталась, прежде всего, удалить его от этой должности.

Но если соединение в одном лице двух столь важных обязанностей, как министра иностранных дел и воспитателя наследника престола, действительно очень трудно, то оно в особенности было тягостно для Панина потому, что, как заметил даже Бантыш-Каменский, Панина упрекали в лености, которая, прибавляет снисходительный к русским достопамятным людям биограф, должно полагать, происходила от полнокровного сложения.

Все иностранные дипломаты, бывшие в России при Екатерине, единогласно свидетельствуют, что Панин был человеком умным, честным и неподкупным, но что при этом он был ленив и медлителен. Сверх того, можно привести много указаний на то, что он любил хороший стол и хорошеньких женщин и вообще был склонен к удовольствиям.

Несмотря однако на эти слабости, Панин был одним из образованнейших и лучших государственных людей того времени. Он сумел приобрести любовь великого князя, которая впоследствии перешла в тесную дружбу.

При вступлении в должность обер-гофмейстера, Н. И. Панин представил свое мнение о воспитании великого князя³. По этому плану воспитание Павла Петровича должно было делиться на два периода: в первом периоде, до четырнадцатилетнего его возраста, предположено было преподавать ему закон Божий, арифметику, историю и языки русский, французский и немецкий, причем «в начале все обучения не прямою наукою, но больше наставлениями должны быть производимы».

На основании этого мнения дана была Панину Елизаветою Петровною особая инструкция⁴, в которой признано было излишним распространяться подробным оглавлением наук и знаний вообще. Панину предоставлено было самому определить, которые из наук Павлу пристойны и нужны в рассуждение его рождения и звания.

¹ Сверх того в комнаты Павла Петровича назначались по два камер-пажа и по четыре пажа. *Милорадович*. Материалы для истории Паж. корпуса. Киев, 1876, с. 31.

² Указ 27 октября 1763 г. в Сб. РИО, т. LI, с. 67.

³ РС, 1882, т. XI.

⁴ РА, 1881, т. III, с. 20.

Панину же разрешено было установить и порядок, в котором эти науки должны были преподаваться.

Остервальд воспитывался в сухопутном шляхетном корпусе, куда поступил в 1741 году и по экзамену 1749 г., в бытность его капралом, имел следующий аттестат¹: «Тушует ландшафты и картуши, понимает французского автора, переводит хорошо с немецкого на французский язык, сочиняет французские письма, понимает и говорит хорошо по российски, переводит с немецкого на российский язык, учится истории универсальной и географии по гоманским картам и истории специальной новейших времен, танцует менуеты и другие танцы, окончил геометрию с фортификациею регулярною, учится иррегулярной; учился гражданскому праву по наставлениям юстиниановым; сочиняет хорошие немецкие письма; нравоучение и натуральное право окончил; фехтует в контру; ездит верхом по солдатски».

Мы привели этот аттестат с целью показать, какие разносторонние знания давал в то время кадетский корпус своим ученикам. Училище это давало своим питомцам отнюдь не узкоспециальное военное образование; напротив того, из корпуса выходили молодые люди со сведениями в иностранных языках, словесных науках и математике. Известно, как много замечательных русских деятелей прошлого столетия не только на военном, но и на гражданском поприще, а также на поприще наук и литературы выпущено из кадетского корпуса, который, до учреждения московского университета, был лучшим учебным заведением в России.

Еще в бытность свою в корпусе, Остервальд приобрел некоторую известность. Вместе с товарищами своими, Бекетовым, Мелиссино, Разумовским и Свистуновым, он принимал участие в театральных представлениях, бывших зародышем правильного русского театра в Петербурге.

По окончании курса в корпусе Остервальд остался при нем на службе и 12-го февраля 1760 г. произведен в подполковники. В том же году он определен был информатором к Павлу Петровичу и в этой должности оставался до его вступления в брак

Положение свое при дворе Остервальд упрочил женитьбою, 19-го апреля 1767 года, на фрейлине Анне Павловне Засс. Супруги являли, кажется, пример немецкой аккуратности и умеренности. В составленном Екатериною шутиливом описании рода смерти, от которой должны умереть некоторые из ее приближенных, определена была смерть Остервальду — от воздержания, а его жене — от голода². Жена Остервальда отличалась, сверх того, набожностью, почему и прозвана была Екатериною «лютеранскою проповедью»³.

По словам Гельбига, Остервальд был хорошим и честным человеком, но самого дюжинного ума и не имел ни сведений, ни характера, нужных воспитателю наследника престола.

Порошин (1741–1769) родился в Кунгуре, где отец его был начальником горных заводов. Подобно Остервальду, Порошин воспитывался в кадетском корпусе и при этом же корпусе начал, с ноября 1758 г, службу. 31-го декабря 1761 г., будучи поручиком, назначен флигель-адъютантом императора Петра III, с чином и двойным жалованьем действительного подполковника и отправлен был в Кенигсберг для сопровождения в Россию дяди Петра III, голштинского принца Георгия. Затем 28-го июня 1762 г. определен кавалером при Павле Петровиче.

¹ Именной список находящимся в Сухопутном корпусе кадетам. СПб. 1761. с. 269.

² Сб. РИО, т. X, с. 320.

³ Письмо Екатерины к графу Стакельбергу. // РС, 1871, т. III, с. 314. Подлинные анекдоты Екатерины Великой. М., 1806, с. 166.

Порошин был человеком образованным. Он знал несколько языков, основательно изучил математику и уважал Словесность и вообще науку. В литературе он известен статьями, напечатанными в «Ежемесячных Сочинениях»; он же перевел с французского первые две части сочинения Прево д'Ескиля «Английский философ» и несколько других книг.

В журнале «Праздное время» помещено несколько стихотворений Порошина. Разыскать их довольно трудно, но как образчик его музыки приведем четырехстишие, написанное им по просьбе Павла Петровича:

Я смысл и остроту всему предпочитаю,
На свете прелестей нет больше для меня,
Тебя, любезная, за то я обожаю,
Что блещешь, остроту с красой соединя.

Порошин был симпатичною личностью. Он горячо любил родину и старался вселить в своем воспитаннике чувство уважения к России и к русским. Страстно привязанный к Павлу, он не отходил от него ни на минуту и беседы его были поучительны. Единственный упрек, который можно сделать Порошину, состоит в чрезмерной доброте его к Павлу. Поверенный детских сердечных тайн Павла, Порошин в этом случае, как увидим ниже, доводил свою доброту до слабости.

Дневник, который Порошин вел с 1-го сентября 1764 по январь 1766 г., составляет драгоценный и притом единственный материал для ознакомления с отроческими годами Павла Петровича¹.

Князь Барятинский и Сакен не имели кажется участия в воспитании Павла и состояли при нем в качестве придворных. До этого назначения Барятинский был флигель-адъютантом Петра III, а Сакен — переводчиком коллегии иностранных дел². О

первом из них Павел Петрович жаловался Порошину, говоря, что Барятинский всегда ему досаждал, твердя, что надобно ложиться позже, вставать позже, не пропускать ни одной комедии и убраться в пять буколь...

С. 29–31.

III

Цесаревич Павел Петрович с детства был слабого сложения и постоянно недомогал. В августе 1762 г. составлено было доктором Крузе, по-видимому для консультации, описание его болезненных припадков³. В это именно время, в бытность его в Москве, он подвергся серьезной и опасной болезни, воспрепятствовавшей ему присутствовать при коронации императрицы Екатерины⁴. В память избавления от этой болезни основана Павловская больница в Москве⁵, выбита медаль и сочинен пролог

¹ Дневник его издан в С.-Петербурге в 1844 г. Дополнением к нему служат: а) «Сто три дня из детской жизни Императора Павла» в РА, 1869, т. I и б) статьи Афанасьева и Семевского, указанные выше. Для биографии Порошина могут служить пособие письма его к графу Гр. Орлову и Миллеру (РА, 1867 и 1869, т. I) и патент, данный ему Павлом Петровичем (РА, 1874, т. XI). Статьи г. Юрлова в Симбир. губ. вед., 1866, № № 90 и 100 не имеют значения. Дневник Порошина вновь издан в прилож. к РС, 1881.

² Назначен состоящим при Павле, 9-го июля 1761 г., в чине титулярного советника. Баранов, т. III, № 11, с. 832.

³ Сб. РИО, т. VII, с. 97. После того отрывки этой записки, в переводе, напечатаны г. Есиповым в Истор. Вестнике, 1881, т. IV, с. 935.

⁴ Daschkow, P. 122 и КФЖ, с. 101.

⁵ Указ 11-го июня 1763 г. Т.Н. СЗЖ, № 11855.

«Непостижимость судьбы». Болезнь эта сохранялась в памяти мальчика и оставила следы в его организме. В 1764–1766 годах он часто болел, страдая золотухой¹.

Природное слабое здоровье Павла Петровича не было укреплено его воспитанием. Мы привели выше отзыв Екатерины о том, как с ним обходились первое время после его рождения. Свидетельство это вполне подтверждается бывшим его доктором Фусадье в записке о здоровье Павла, составленной в октябре 1768 г., пред привитием ему оспы². Самый день воцарения Екатерины, когда Павла Петровича внезапно разбудили и полуодетого перевезли, окруженного войском, из летнего дворца в зимний, куда прибыла императрица, сильно и болезненно на него подействовал³. В последующее за тем время Павел Петрович редко бывал на воздухе. Панин не имел досуга часто сопровождать Павла Петровича при его выездах, но никогда не желал отпускать его без себя и малейший ветер или непогода служили поводом к отмене предположенных прогулок.

Несмотря однако на слабое здоровье, Павел Петрович был резв и жив. Для характеристики его приведем несколько отзывов о нем Порошина.

У Его Высочества ужасная привычка, чтобы спешить во всем: спешить вставать, спешить кушать, спешить опочивать ложиться. Перед обедом за час еще времени или более до того, как за стол обыкновенно у нас садятся, засылает тайно к Панину гоффурьера, чтобы спросить, не прикажет ли за кушаньем послать и все хитрости употребляет, чтоб хотя несколько минут выгадать, чтоб за стол сесть поранее. Об ужине такие же заботы. После ужина камердинерам повторительные наказания, чтоб как возможно они скорее ужинали, с тем намерением, что как камердинеры отужинают скорее, так авось и опочивать положат несколько поранее. Ложась заботится, чтоб по утру не проспять долго. И это всякий день почти бывает.

Его Высочество имеет за собою недостаток, всем таким людям свойственный, которые более привыкли видеть хотения свои исполненными, нежели к отказам и терпению. Все хочется, чтобы делалось по нашему. А нельзя сказать, чтобы все до одного желания наши таковы были, на которые бы благоразумие и об общей пользе попечение всегда соглашались дозволяли.

Его Высочество, будучи весьма живого сложения и имея начеловеколюбивейшее сердце, вдруг влюбляется почти в человека, который ему понравится, но как никакие усиленные движения долго продолжаться не могут, если побуждающей какой силы при том не будет, то и в сем случае крутая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, который имел счастье полюбиться. Словом сказать, гораздо легче Его Высочеству вдруг весьма понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую от него дружбу и милость.

Часто на Его Высочество имеют великое действие разговоры, касающиеся до кого-нибудь отсутствующего, которые ему услышать случится. Когда при нем говорят что в пользу или в похвалу какого-нибудь человека, такого человека после видя, Его Высочество склонен к нему является; когда же напротив того говорят о нем невыгодно и хулительно, а особливо не прямо к Его Высочеству с речью адресуясь, но будто бы в разговоре мимоходом, то такого великий князь, после увидя, холоден к нему кажется.

Его Высочество все себе может так ясно и живо представить, как бы то уже пред ним действительно происходило...»

¹ Указ 11-го июня 1763 г. Т.Н. СЗЖ, № 11855.

² Записка эта в рукописи Госуд. Архива.

³ Донесение французского посланника Сабатье. Cour, P. 252 и Schumacher. Geschichte der Thronentsetzung Peter des Dritten. Hamburg, 1858, S. 29.

Эти черты характера Павел сохранил на всю жизнь. Порошин, бесспорно, подметил их верно. Нетвердость и изменчивость Павловой привязанности Порошин испытал на себе и до того изучил свойства своего воспитанника, что однажды, в неудовольствии на него, сказал ему следующие, замечательные слова: «Ваша Светлость, при самых лучших намерениях вы заслужите одну лишь ненависть»¹.

Другой наставник Павла, Эпинус, говаривал про него: «Голова у него умная, но в ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточке; порвется эта ниточка, машинка завернется, и тут конец и уму, и рассудку»².

Свое физически нежное сложение Павел Петрович наследовал от своего родителя. Великий князь Петр Федорович был также очень слаб здоровьем и его наставник известный академик Штелин, неоднократно упоминает в своих записках о его частых болезненных припадках³.

Некоторыми сторонами своего характера Павел Петрович был также обязан своему родителю, который был чрезвычайно быстр в своих решениях, весьма горяч и с трудом сдерживал свои порывы. Точно так же и Павел Петрович уже с детства отличался живостью и стремительностью. Ограничиваясь здесь кратким лишь указанием на это сходство в характерах отца и сына⁴, мы будем иметь случай выяснить впоследствии и другие стороны характера Павла Петровича, общие ему с его родителем, и показать в каком направлении и под влиянием каких обстоятельств они развились и окрепли.

С другой стороны, от матери наследовал Павел Петрович наблюдательность, некоторую насмешливость и остроумие, дневника Порошина можно привести много примеров находчивых ответов и метких замечаний одиннадцатилетнего Павла Петровича.

Павел рос совершенно одиноким, без товарищей-сверстников. Изредка приглашали к нему, для участия в танцах, нескольких мальчиков из семейств придворных, из числа коих Павел более прочих отличал графа Н. П. Шереметева, графа А.К. Разумовского, графа Матюшкина, Вадковского и Н.С. Мордвинова⁵. Чаше других бывал при нем племянник Панина, князь А. Б. Куракин.

Напротив того, за обедами у Павла бывало всегда много гостей — П. И. Панин, граф А. С. Строганов, графы Чернышевы, голштинский министр Сальдерн и другие.

С. 42–44.

При объявлении, 7-го ноября 1742 года, племянника императрицы Елизаветы Петровны, герцога шлезвиг-голштинского Карла-Петра-Ульриха, впоследствии императора Петра III, наследником российского престола, он сохранил свои права на голштинское герцогство. Петр Федорович привез с собою в Россию привязанность к Голштинии, ненависть к Дании и страстное желание возратить от нее Шлезвиг, в 1713 году отторгнутый Даниею от Голштинии. В 1745 году Петр Федорович, в качестве герцога голштинского, был признан совершеннолетним и вступил в управление, из Петербурга, своим наследственным герцогством.

Переговоры, веденные в царствование Елизаветы Петровны между Россией и Даниею по голштинскому вопросу, причем возбуждено уже было предположение об обмене Голштинии на Ольденбург, не привели ни к какому результату.

¹ РА, 1869, т. I, с 15. (фр.)

² РА, 1871, т. VI, с. 290.

³ ЧОИ и ДР, 1866, т. IV, с. 108.

⁴ Ср. донесение саксонского резидента Сакена. Herrmann, В. V, S. 566.

⁵ Воспоминания о графе Н. С. Мордвинове, СПб. 1873, с. 8.

Вступив на престол, Петр III немедленно занялся разрешением этого вопроса. Хотя для рассмотрения его назначено было уполномоченным от Дании, России (посланнику в Копенгагене барону Корфу) и Голштинии (тайному советнику Сальдерну), собраться в Берлине и вести переговоры при посредничестве короля прусского, но прежде чем эти конференции открылись, Петр III решил оружием добиться возвращения Шлезвига. Уже назначен был день его отъезда в армию, собранную против Дании, когда 28-го июня 1762 года вступила на престол Екатерина¹.

Екатерина немедленно отменила воинские приготовления своего супруга и вслед затем решено было возобновить переговоры, по голштинскому вопросу, так как права Петра III, как герцога голштинского, перешли к Павлу Петровичу. Администратором Голштинии Екатерина назначила двоюродного деда Павла Петровича, принца Георгия, находившегося в то время в Петербурге с двумя его сыновьями, принцами Августом и Петром. Голштинское войско Петра III было отправлено на родину².

Переговоры между Россией и Даниею по голштинскому делу оживились, когда в 1765 году датским посланником при Екатерине назначен был Ассебург.

Окружавшие Павла Петровича лица старались отдалить его от мысли; что он германский герцог. Так, когда получено было в Петербурге известие о смерти римского императора Франца-Стефана, «то долго говорили, между прочим, Его Высочеству, что сия кончина ему, как принцу немецкой империи, более всех должна быть чувствительна: каков-то милостив к нему будет новый цесарь и проч. Он изволил все отвечать: что вы ко мне пристали! Какой я немецкий принц! Я великий князь российский!»³.

Панин смотрел на голштинский вопрос с той точки зрения, что русский император не должен иметь владений вне пределов своей империи и что необходимо было заблаговременно распорядиться теми из них; которые принадлежали Павлу Петровичу, по праву наследия, в Германии. Но малолетство Павла оставляло в уме Панина некоторое сомнение. Как воспитатель Павла, он мог опасаться упрека в умалении его наследия. Поэтому Панин начал подготавливать своего воспитанника к одобрению своего предположения и рассуждал с ним о его выгодах и невыгодах не как наставник, а как друг и доверенное лицо. Панин ничего не скрывал от Павла; он не хотел ни застигнуть его врасплох, ни накинуть на его глаза повязку; он желал, чтобы Павел видел вещи ясно и мог со временем сказать ему, что утверждает трактат об обмене Голштинии с полным убеждением в пользе, какая от него произойдет и вполне оправдывает его в том, что он склонил его на это дело. Панин находил подобный образ действий нужным еще и потому, что хотя пользовался доверием великого князя, но не мог быть уверенным, чтобы чрез несколько лет, в срок, назначенный для осуществления предварительного договора, кто-либо другой не заменил его в доверии Павла и не вызвал в нем предубеждения против сделки, которая, уничтожая старую вражду, уничтожала и старые притязания, а вследствие обмена владений, всегда могла иметь как бы невыгодную для русского императора сторону⁴.

Поэтому Панин признал нужным потребовать от Дании вознаграждения, отмены для русских судов зундских пошлин и переговоры об этом несколько затянули дело. Наконец Россия отступила от своего требования и 22-го апреля 1767 года подписан был в Копенгагене, Философовым со стороны России и Сальдерном со стороны Голштинии, предварительный временный договор, коим императрица Екатерина, именем Павла

¹ Отношения России к Дании и Голштинии и политика Петра III по этому вопросу изложены у Щербальского: Политическая система Петра III. Москва, 1870.

² Соловьев, т. XXV, с. 203.

³ Порошин, с. 387.

⁴ Донесения Ассебурга, 6-го декабря 1765 г. и 29-го июля 1766 г. в его *Denkwürdigkeiten*, с. 119 и 126. Мнение Панина изложено у Соловьева, т. XXVII, с. 219.

Петровича, отказывалась от прав на Шлезвиг и уступала Дании Голштинию в обмен на графства Ольденбург и Дельменгорст¹.

Екатерина тогда еще не возвратилась из путешествия по Волге и донесение, посланное из Москвы в дорогу, было собственноручно написано главным лицом, заинтересованным в этом деле, — герцогом голштинским Павлом².

Не входя в оценку, была ли эта негоция выгодна для России, заметим только, что датские государственные люди считали ее очень выгодной для Дании. Они не полагали, чтобы Россия решилась уступить свою опорную точку в Германии и прекрасный Кильский порт³. Не даром датский двор тратил деньги на подарки Сальдерну.

Замечательно, что сама Екатерина, в бытность ее великою княгиней, отсоветовала своему супругу произвести обмен Голштинии на Ольденбург, приводя в основание своего мнения причины⁴, которые, кажется, сохраняли свою силу и в 1767 году. Поэтому, хотя договор об уступке Голштинии был заключен ею в качестве опекуны сына, она отказывалась от участия в этой сделке, ею же ратификованной, утверждая, что она «не в состоянии была отдавать то, что ей не принадлежало»⁵. Очевидно, что заключая этот договор, не ожидая совершеннолетия Павла Петровича, она руководилась исключительно желанием лишить его, и в этом случае, самостоятельности.

С. 50–57.

V

В самый день своей коронации, император Павел Петрович обнародовал акт о престолонаследии. Этим делом государственной мудрости положил он конец неопределенности, которая существовала в России, в продолжение XVIII века, относительно важнейшего момента государственной жизни, так как, в силу указа Петра Великого 5 февраля 1722 года, «было всегда в воле правительствующего Государя, кому оный хочет, тому и определит наследство, и определенному паки отменить».

К изданию этого акта Павел Петрович побужден был основанным на личном наблюдении глубоким убеждением во вреде, который приносило отсутствие точного закона о престолонаследии.

Мысль о возведении его на престол, явившаяся впервые еще в царствование Елизаветы Петровны, не заглохла и время от времени пробивалась наружу.

Первая мысль об этом принадлежала канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину. Он предполагал, в случае смерти императрицы Елизаветы, устранив великого князя Петра Федоровича, возвести на престол Павла Петровича и образовать регентство, назначив Екатерину правительницею⁶. Замысел этот не удался.

«Последних мыслей Императрицы Елизаветы Петровны о наследстве, — рассказывает Екатерина⁷, — точно сказать не можно, ибо твердых не было. То несомненно, что она не любила Петра III, почитала его за неспособного к правлению, знала, что он русских не любил и с трепетом смотрела на смертный час и на то, что

¹ Martens, V.I, p. 126. В П.С.З. этот трактат не помещен.

² Asseburg, s. 131. 174.

³ Correspondence entre le C-e Bernstort et le duc de Choiseul. Copenhagen, 1871, p. 241; Roger, Struensee et la cour de Copenhagen. Mémoires de Reverdil. Paris, 1858, p. 444; Secretan, Mémoires de Falkenskiold. Paris. 1826, p. 102.

⁴ Catherine, p. 159–160.

⁵ Письма к г-же Бьелке. Сб. РИО, т. X. с. 179 и 280.

⁶ Catherine II, P. 315.

⁷ РА, 1863, №7, с. 567. Соловьев, т. XXV, с. 98.

после ее происходить может, но как она во всем имела решимость весьма медлительную, особливо в последние годы ее жизни, то догадываться можно, что и в пункте наследства мысли более колебались, нежели что-либо определительное было в ее мысли. Фаворит же И. И. Шувалов, быв окружен великим числом молодых людей, отчасти не любя же от сердца и еще более от легкомыслия ему свойственного, быв убежден воплем множества людей, кои не любили и опасались Петра III, за несколько времени до кончины Елизаветы, мыслил и клал на мере переменить наследство, в чем адресовался к Н. И. Панину, спрося, что он о том думает и как бы то делать, говоря, что мысли иные клонятся, отказав и выслав из Россия великого князя Петра Федоровича с супругою, сделать правление именем Цесаревича Павла Петровича, которому был тогда седьмой год; что другие хотят лишь выслать отца, а оставить мать с сыном и что все в том единодушно думают, что великий князь Петр Федорович неспособен и что кроме бедства, покорялся ему, Россия не имеет ожидать. На сие Панин ответствовал, что все сии проекты суть способы к междоусобной погибели, что в одном критическом часу того переменить без мятежа и бедственных следствий не можно, что двадцать лет всеми клятвами утверждено. Панин о сем мне тотчас дал знать, сказав мне при том, что бальной Императрице, если бы представили, чтоб мать с сыном оставить, а отца выслать, то большая в том вероятность, что она на то склониться может. Но к сему, благодаря Богу, фавориты не приступили...»

Нашлись другие фавориты, которые приступили к делу в следующем же году. При восшествии на престол Екатерины, Панин, как сама она свидетельствует¹, желал, чтоб переворот совершился в пользу Павла Петровича, но на это никогда не хотели согласиться Орловы.

Не останавливаясь на подробностях этих предположений, мы привели о них только собственные слова Екатерины; ей хорошо известно было, что часть русского общества желала видеть на престоле сына, а не мать.

И при Екатерине не замерла мысль о возведении Павла Петровича на престол; время от времени проявлялась она то в заговорах отдельных лиц, то в толках и пересудах народных². Мысль эта постоянно тревожила Екатерину и возбуждала в ней недоверие к сыну, ни в чем неповинному.

Во время пребывания Екатерины в Москве, после коронации, в 1763 г, возбуждено было Бестужевым-Рюминым предположение о вступлении ее в брак с графом Г. Г. Орловым, о чем свидетельствует сама Екатерина³. В числе противников этой мысли был Н. И. Панин. Предположение это не осуществилось, но с этого времени начинается вражда Орловых с Паниным.

Что касается воспитания Павла Петровича, то влияние на это дело графа Г. Г. Орлова было вредно. Он начал с того, что стал ухаживать за Павлом, прерывал его занятия, входил во все его детские забавы и сделался в некотором смысле его любимцем⁴.

Мы уже видели, что он был одним из тех, которые поощряли одиннадцатилетнего Павла в детской его привязанности к В.Н.Чоглоковой и что, вероятно, по его же указанию, был приглашен к обучению Павла Петровича Теплов. Быть может, при этом

¹ Письмо Екатерины к Станиславу Понятовскому, 2 августа 1762.

² Так, в 1768 году, адъютант Опочинин, выдавая себя за сына Елизаветы, составил заговор в пользу Павла. РА, 1868, с 274. Так; ссыльный поляк Беньовский, произведший в 1771 г. бунт в Камчатке, наименовал собранных им сообщников «собранною компаниею для имени Его Императорского Величества Павла Петровича». РА, 1865, с 422.

³ Письмо к Суворову. Сб. РИО, т. VII, с. 293. Подробный рассказ об этом см. у Васильчикова, т.1, с. 304–307 и у Соловьева, т. XXVI, с. 258 и 261.

⁴ Донесение Букингама 28-го сентября 1764. Cour. P. 249.

Орлов руководился мыслию обратить преимущественное внимание Екатерины на Бобринского, к которому он питал родительское расположение. Но если за Бобринским стоял Орлов, то за Павлом стоял Панин и коллизиею интересов двух отроков можно отчасти объяснить постоянное соперничество Панина и Орловых, продолжавшееся до самого вступления Павла Петровича в брак. Все думали, как свидетельствовала сама Екатерина, что если Павел Петрович не на руках у Панина, так он пропал.

Мы уже говорили, что новорожденный Бобринский был отдан на воспитание Шкурина. По воцарении Екатерины, Шкурин был взыскан ее милостями: 6-го августа 1762 г. ему и его жене пожаловано было 1027 душ «для незабвенной памяти нашего к нему благоволения», а 28-го июля 1763 г. Шкурин «за особливую, долговременную при нас службу и отличную к нам верность», пожалован из бригадиров в действительные камергеры и ему поручено главное надзирание за всеми собственными казенными (т. е. кладовыми) императрицы¹. В первые годы своего царствования Екатерина посещала иногда дом преданного ей человека².

Шкурин сумел привязать к себе вверенного ему надзору мальчика. Уже 20-тилетним юношею, Бобринский, получив известие о его смерти, записал в свой дневник (11 февраля 1782 г.): «я узнал, что умер В. Г. Шкурин. Это меня очень огорчило. Он был очень добр ко мне и я обязан всей его семье. Ночью я не мог заснуть: мне все представлялся покойный; я целый час плакал»³.

До поступления в кадетский корпус Бобринский находился, кажется, за границею, воспитываясь или в Лейпциге или в Галльском педагогичуме. После этого он учился в кадетском корпусе и находился под попечительством Бецкого, одного из самых близких к Екатерины людей, считавшегося в то время первым в России педагогом.

Между тем отношения Екатерины к Павлу Петровичу были постоянно холодны. Еще десятилетним отроком Павел сам признавался, что быть ему у Государыни скучно и принужденно и что принуждение такое ему несносно⁴. «Императрица, — доносил французский посланник Сабатье-де-Кабр 20-го апреля 1779 года⁵, — которая жертвует для приличия всем остальным, не соблюдает никакого в отношении к сыну. Для него у нее всегда вид и тон Государыни и она часто прибавляет к этому сухость и обидное невнимание, которые возмущают молодого великого князя.

Она никогда не относилась к нему как мать; перед нею он всегда почтительный и покорный подданный. Заметно, что эта манера, неприличная и жестокая, происходит исключительно от ее сердца, а не от того, чтобы она желала дать ему строгое воспитание. Она оказывает сыну только те внешние знаки внимания, которые вынуждаются необходимостью. Поэтому великий князь стоит перед нею как перед судьей; везде в прочих местах он имеет вид совершенно развязный и нимало нестесненный. Он выражается любезно и свободно и старается нравиться всем приближенным своим вниманием, вежливостью и обязательностью разговора. Он без аффектации наблюдает все, что происходит на его глазах, но его упрекают за любовь к доносам и за то, что он ничем не пренебрегает, дабы узнать обо всем, что только можно». Причину этого нерасположения Екатерины к сыну едва ли не следует искать, по нашему мнению, в обстоятельствах ее не вполне счастливого супружества. Выданная замуж за великого князя Петра Федоровича по политическим соображениям, она не могла любить его и эта нелюбовь перешла и на его сына.

¹ Сб. РИО, т. VII. с. 133, 301.

² КФЖ, 10 августа 1764.

³ РА, 1877. т. X, с. 131.

⁴ Порошин, с. 250.

⁵ Cour, P. 251.

Заметим здесь кстати, что деятельность Петра III заслуживает, кажется, несколько более тщательного и во всяком случае менее одностороннего рассмотрения, чем которому она подвергалась доньше. Конечно, он почти всю жизнь оставался ребенком и умственно развит был очень слабо, но едва ли, однако, настолько, чтобы оправдать те отзывы, которые давала о нем впоследствии Екатерина, и из которых мы приведем лишь некоторые.

Упомянув однажды, что императрица Мария Терезия находила мужа очень любезным, Екатерина говорила, что, по совести она не могла сказать того же о своем¹ «Нет ничего хуже, как иметь мужем ребенка, писала она г-же Бьелке в 1767 году, я знаю чего это стоит и принадлежу к числу тех женщин, которые думают, что мужья, которые не любимы, всегда виноваты в том сами потому что поистине я бы очень любила моего мужа, если бы к тому представилась возможность и если бы он был так добр, чтобы пожелать этого». В другом письме, к той же даме, намекая, очевидно, на Петра III, она говорит, «что иметь дело с расстроеною головою — ужасная вещь; я знаю, чего это стоит, я была в таком положении»².

Объясняя восшествие свое на престол, Екатерина говорит³, что Петр III не имел более злого врага чем в себе самом; все его поступки были запечатлены печатью безумия. Кроме того, все, что обыкновенно возбуждает в людях жалость, вызывало в нем гнев. Он забавлялся тем, что бил людей и животных и не только был нечувствителен к их слезам и крикам, но они возбуждали в нем гнев, а когда он впадал в него, то придирался ко всему, что его окружало. Его любимцы были очень несчастны; они не смели говорить друг с другом не возбуждая его недоверия, а лишь только оно начинало действовать, он бил их в присутствии всех. Тогдашний английский посол Кейт сказал при одном из подобных случаев: «знаете ли вы, что ваш император помешанный; его надобно связать; по крайней мере не будучи таковым, нельзя делать того, что он делает. Вступлением своим на престол императрица Екатерина, по ее словам, спасла империю, самую себя и своего сына от рук сумасшедшего, почти бешеного и который несомненно сделался бы таковым, если бы он пролил или увидел пролитою одну каплю крови; в то время в этом не сомневался никто из всех тех, которые его знали, даже самые доверенные его лица».

Почти то же повторяет Екатерина и в письме к Фальконету по поводу сочинения Рюльера о перевороте 1762 года, говоря, что при этом перевороте предстояло или погибнуть вместе с сумасшедшим или спастись с толпою, желавшею от него избавиться; что во всем этом не было иных происков, как дурное поведение одного лица, с которым, при другом поведении, никогда бы ничего не случилось⁴.

Вообще Екатерина любила ссылаться на аномальность умственных способностей мужа и однажды по поводу проявившегося слабоумия принца Петра голштинского, о чем мы будем говорить ниже, заметила; что в течение пятнадцати лет августейший ольденбургский дом произвел уже трех умопомешанных⁵.

Учебные занятия Павла Петровича, о которых мы говорили в предшествовавших главах, вновь прерваны были, летом 1771 г., тяжкою его болезнию, принявшею опасный характер. Великий князь заболел горячкою. Екатерина хотя и старавшаяся успокоить себя тем, что эта болезнь — предвестница возмужалости ее сына, по пословице, что и ус

¹ Письмо к Гримму. Сб. РИО, т. XXIII, с. 462.

² Там же, т. X, с. 164 и Т. XIII, с. 238.

³ Замечания на сочинение Денины. Храповицкий, с. 481.

⁴ Сб. РИО, т. XVII, с. 44.

⁵ Письмо к Бьелке, 1776 г. ib, т. XXVII, с. 67.

не растет без болезни, встревожилась ее опасными симптомами¹. Она переехала из Петергофа в Петербург, где, несмотря на любовь свою к загородной жизни, провела два месяца; почти ежедневно навещая сына. К счастью, Павел Петрович оправился от болезни и 28 августа отслужено было торжественное молебствие в благодарность за его исцеление. Но слабость, оставленная этою болезнию в организме, продолжалась у Цесаревича довольно долго².

По поводу его выздоровления Фонвизин написал слово, а Майков оду. В обоих этих произведениях много сходства и, конечно, оба автора были вполне искренни. Болезнь великого князя, принимая опасный оборот, вновь выдвигала страшный вопрос о престолонаследии: «подумывали объявить, в случае несчастья, наследником престола Бобринского»³.

Вероятно, мысль эта возникла не без участия графа Г. Г. Орлова, бывшего тогда на высоте своего могущества, которое начало падать именно после выздоровления Павла Петровича, во время отлучки Орлова в Москву (сентябрь – ноябрь 1771), для прекращения чумы и в особенности со времени его отъезда, в апреле 1772 года, для мирных переговоров с Турциею, на конгресс в Фокшаны, в чем видели уже попытку навсегда удалить его от двора⁴. Отъезд Орлова⁵ произвел хорошее действие в том отношении, что Екатерина сделалась ласковее к сыну. Все заметили, доносил прусский посланник Сольмс, что эти особы начали жить гораздо согласнее, чем прежде, когда привязанность императрицы к фавориту брала верх над чувствами матери к сыну. Екатерина стала чаще видаться с Павлом, короче узнала и полюбила окружавшее его общество. Павел, с своей стороны, менее прежнего стеснялся в присутствии матери. Он был очень тронут ее ласками и между ними установилась беззастенчивая непринужденность и взаимное доверие, что приводило всех в восторг. Боюсь утверждать, прибавляет Сольмс, чтобы со стороны императрицы не было тут некоторого притворства, но какова бы ни была ее цель, эта перемена отношений к сыну должна повредить графу Орлову, потому что при нем Екатерина вела себя иначе.

Эту перемену отношений к сыну подтверждает сама Екатерина⁶. «Никогда мы так не веселились, как в эти девять недель, проведенных в Царском Селе, с моим сыном, который делается хорошеньким мальчиком. Утром мы завтракали в прелестной зале, расположенной близ озера и расходились, нахохотавшись досыта. После этого каждый занимался своим делом; потом обед; в шесть часов прогулка или спектакль, а вечером подымался шум во вкусе всех шум ил, которые меня окружают и которых здесь много. Сын мой не хочет отставать от меня ни на шаг и я имею честь так хорошо его забавлять, что он иногда подменивает билеты, чтобы сидеть за столом рядом со мною. Я думаю мало можно найти примеров такого согласия в расположении духа».

Согласие, существовавшее в это время между императрицею и великим князем⁷, всего вероятнее объясняется тем, что Екатерина убедилась, что Орлов держал ее в подчинении и употреблял во зло ее доверие, внушая ей ложные понятия о ее сыне. Поэтому представлялась крайняя необходимость, для блага государства и для безопасности великого князя, положить предел честолюбию временщика и скинуть с себя наложенное им ярмо.

¹ Письма к г-же Бьелке, 30 июля и 29 августа 1771. Сб. РИО, т. XIII, с. 142 и 148.

² Фон-Визин, с. 290. Донесения Сольмса в Сб. РИО, т. XXXVII, с. 487–496. Письма Панина к Румянцеву. РА, 1882, т. III, с. 14–15.

³ Свидетельство кн. Ф.Н.Голицына. РА, 1874, т. 1, с. 1328.

⁴ Helbig, S. 271.

⁵ Депеши Сольмса 3 августа и 4 сентября 1772 г. Барсуков, РА, 1873, т. II, с. 86–89.

⁶ Письма к г-же Бьелке. Сб. РИО, т. XIII, с. 260 и 266.

⁷ Деша Сольмса 23 октября. Барсуков, с. 101.

Это сближение между Екатериною и Павлом Петровичем могло быть вызвано и желанием Екатерины ближе ознакомиться с его характером, в виду предстоявшего вступления его в брак.

Екатерина давно уже думала о женитьбе великого князя и еще в 1768 году возникло предположение о поручении Ассбурггу, уезжавшему тогда из России, приискать ему невесту, но как Павел Петрович, казалось, был слаб здоровьем, то опасались, что он мало расположен будет дать государству наследников. Доверенные ее лица занялись рассеянием этих опасений. Они уговорили вдову Софью Степановну Чарторижскую испытать силу ее прелестей над сердцем великого князя. Родился сын, которого назвали Семеном Великим¹.

Софья Степановна Чарторижская (1746—1803) была дочерью Степана Федоровича Ушакова, бывшего новгородским, а потом петербургским губернатором и наконец сенатором. Первый ее муж, Михаил Чарторижский, принадлежал к фамилии, существовавшей с XVII века в Польше и Малороссии и происходившей от побочной ветви князей Чарторижских; он был флигель-адъютантом Петра III². После его смерти и рождения С. П. Великого, Софья Степановна вышла, в семидесятых годах, замуж за графа Петра Кирилловича Разумовского³, как кажется, несколько против желания его отца и семейства. Она была женщина светская, большая щеголиха, то, что в прошедшем столетии называлось *une petite maitresse*. Муж ее, граф Разумовский, уволенный в 1789 г. из военной службы с чином генерал-поручика, назначен был 19 декабря 1796 года, вслед за воцарением Павла Петровича, сенатором и произведен в действительные тайные советники.

Семен Великий воспитывался первоначально в комнатах Государыни, а когда ему минуло лет восемь, его поместили в 1780 году в петропавловскую школу, с приказанием дать ему наилучшее воспитание, а дабы он не догадался о причине этого предпочтения, выбрали ему в товарищи детей неважных лиц. С ним наравне обучались Я. А. Дружинин, сын придворного камердинера, Ф. М. Брискорн, сын придворного аптекаря, Х. И. Миллер, сын портного, Г. И. Вилламов, сын умершего инспектора петропавловской школы и И. К. Вестман.

Когда он был еще в школе, издана была, по распоряжению графа Ангальта⁴, книжка «Obidah, eine morgenländische Erzählung. Обидаг, восточная повесть, с немецкого на русский язык переведенная Семеном Великим, прилежным к наукам юношею. В С-Петербурге 1786», 8^о стр. 15. Книжка эта не имеет никакого значения, но любопытна потому, что иностранные библиографы приписывают сочинение ее самой Екатерине⁵.

По окончании наук в петропавловской школе, С. П. Великий заявил желание служить во флоте, поступил в морской кадетский корпус и 5 марта 1789 года из сержантов измайловского полка, по знанию навигационных наук, произведен в мичманы⁶ и в том же году в лейтенанты.

¹ Castéra, V. II, P. 146.

² Указ 31 декабря 1761 г. Баранов, № 11, 929. Екатерина требовала от Елагина 2 апреля 1773 сведений о семействе Чарторижских. СБ. РИО, т. XIII, с. 317.

³ Васильчиков, т. II, с. 148.

⁴ Bastmeister. Russische Bibliothek, St. Pbg. 1772–1787, V. X., S. 317.

⁵ Quéard, La France littéraire, Paris, 1827, V. II, P. 82; Ebert, Allg. Bibl. Lex 289. Содержание книжки рассказано у Щербальского: Драмат. соч. Екатерины II, РВ, 1871, т. V.

⁶ Записки Греча. РА, 1871, с. 291 и т. III, с. 309; Веселаго, Очерк истории Мор. Кад. корп., список воспитанников. СПб., с. 32; Namens-Yerzeichniss der Schüler der Hauptschule St. Petri. Petersburg, 1862, S. 137. А. Кн. Воронцова, т. XXIV, с. 250.

Во время шведской войны С. П. Великий служил под начальством капитана Тревенина и 28 июня 1790¹ был прислан к Екатерине курьером с корабля «Не тронь меня» с донесением о морском сражении 22-го июня. Произведенный за это 29-го Июня в капитан-лейтенанты, он в числе других офицеров послан был, для усовершенствования, в Англию и, служа в английском флоте, умер на корабле Вангард на Антильских островах в 1794 г.²

Возвратимся, после этого вводного эпизода, к хронологической нити нашего рассказа. Орлову, во время его отсутствия из Петербурга, повредило и другое обстоятельство: Екатерина приблизила к себе камер-юнкера Васильчикова³.

Павел, ненавидевший Орловых, был доволен возвышением нового фаворита, хотя и не мог не смотреть на поведение в этом отношении своей матери также, как и все прочие⁴. Ожидали, и кажется и сам великий князь рассчитывал, что мать дарует ему при совершеннолетию некоторую независимость и что он будет иметь более самостоятельное положение. Случилось противное, и его обергофмейстер сохранил над ним прежнюю власть. В этот день, 20 сентября 1772 г, не было никакого производства, дабы никто не мог быть хоть чем либо обязанным Цесаревичу.

Граф Орлов, узнав о возвышении Васильчикова, покинул пост уполномоченного на фокшанском конгрессе и поспешил в Петербург, но был остановлен в Гатчине. Хотя в конце того же года (23 декабря 1772 г.), Орлов, осыпанный милостями и пожалованный княжеским достоинством, приехал в Петербург, ...

С. 60–61.

Эта скромность Панина произошла от сделанного ему внушения. «Что касается до дерзкого вам известного болтуна, — писала Екатерина Волконскому 25 сентября 1773 года⁵, — то я здесь кое-кому внушила, чтобы до него дошло, что если он не уймется, то я принуждена буду его унимать наконец. Но как богатством я брата его осыпала выше его заслуг на сих днях, то я чаю, что и он его уймет же, а дом мой очистится от каверзы».

К сожалению, в этом случае Екатерина введена была в заблуждение. «Болтовня» графа П. И. Панина не представляла; в сущности, опасности. Он считал себя обиженным и считался в числе недовольных, как это случалось и с другими русскими сановниками того времени, и выражал это громко, но в душе оставался преданным своей земле, что и доказал, как увидим ниже, в минуту Пугачевского бунта⁶.

Совершенно противно этому поступало другое лицо, вкравшееся в это время в доверие Екатерины, Сальдерн. Поведение его служит доказательством, как опасно участие русских делами иностранцев, из числа коих многие видели в России лишь средство к наживе и к отличиям, а в душе презирали все русское.

Голштинец родом, Сальдерн приехал в Россию еще при Елизавете Петровне и снискал расположение Петра III. При Екатерине он был отправлен в 1766 году в Копенгаген, о чем мы говорили выше. Возвратясь из Дании в 1768 году, Сальдерн назначен был русским посланником в Варшаву, где и пробыл с февраля 1771 по сентябрь 1772 года. Поведение там Сальдерна, соединявшего грубость голштинского мужика с

¹ Храповицкий.

² Описание архива морского министерства, т. III, с. 668, 674, 679 и 700. В записках Греча неверно.

³ Имя это в первый раз встречается в камер-фурьерском журнале 6-го мая 1772, через две недели по отъезде графа Орлова.

⁴ Делеша английского посланника Гунинга 6 октября 1772. Сб. РИО, т. XIX, с. 329.

⁵ Там же.

⁶ Ср. об этом замечания Щербальского (Переписка Екатерины с Паниным в РВ, 1863, т. VI), опровергающие рассуждения Лебедева в брошюре его «Графы Панины».

педантизмом немецкого профессора¹, отличалось раздражительностью, запальчивостью и склонностью к преувеличениям и в октябре 1772 года он отозван был в Петербург, где незадолго перед этим (14/25 июля) подписан был договор о первом разделе Польши².

Поведение Сальдерна в Польше не заслужило одобрения Панина. С своей стороны и Сальдерн был недоволен малым, по его мнению, вниманием Панина к его трудам³. От этого произошел их разрыв.

В Петербурге в 1772—1773 годах Сальдерн играл какую-то двойственную роль. Заметив, что он должен был подумывать о своем скором удалении от дел, он желал обеспечить себе в будущем место, где бы мог покойно жить доходами значительного своего состояния. В этих видах он вошел в частные сношения с датским двором, получал от него подарки и обещание получить еще большие за содействие к достижению предположенной Даниею цели — окончательной уступки ей Голштинии⁴. Сальдерн представил Екатерине, что ни ей, ни ее сыну не доставляет чести быть, до известной степени, в зависимости, вследствие владения этою маленькою землею, от германской империи и притом дал ей довольно ясно понять, что так как великий князь вступает в совершеннолетие, то необходимо лишить его этого владения, ибо, по словам Сальдерна, можно было опасаться, что наследник, в качестве германского имперского князя, мог бы держать себя в некоторой независимости от русской императрицы и если бы имел злой умысел, мог бы даже увлечься до того, чтобы вступить в союз во вред императрице. Екатерина нашла вескими эти соображения Сальдерна⁵ и 21 мая 1773 года заключен был в Царском Селе окончательный с Даниею трактат, подписанный со стороны России Паниным и со стороны Голштинии Сальдерном, коим, уступая Дании Шлезвиг и Голштинию, Павел Петрович приобретал в замен того графства Ольденбург Дельменгорст. Затем актом 14 июля 1773 г., Павел передал их коадьютору любскому Фридриху-Августу, представителю младшей линии голштинского дома⁶.

Этим окончательно разрешен был голштинский вопрос по отношению к России.

Поддерживая в уме Екатерины ложные опасения против ее сына, Сальдерн, с другой стороны, пытался восстановить Павла Петровича против матери. Он составил план о даровании ему соучастия в управлении государством. Рассказывали даже, что Павел, будто бы, выдал Сальдерну подписанное им полномочие, дабы испросить у Екатерины согласие на этот проект⁷.

План свой Сальдерн открыл Панину, который с негодованием отверг его⁸ и после объяснения его с Павлом Петровичем, интрига Сальдерна рушилась сама собою. Тогда-то Сальдерн, по выражению Фонвизина «перекинулся к Орловым, но и те подлость души его узнали». В августе 1773 года он оставил Россию.

С. 177–178.

¹ Rulhère. Histolre de l'anarchie de Pologne. Paris, 1807, V. II, P. 193.

² Соловьев, История падения Польши. Москва, 1863, с. 114—144. Извлечение из его донесений. АГС1. (по указ.) Румянцев находил, что Сальдерн в Варшаве был «крутенек» (МОИДР, 1865, т. II, с. 137). По отзыву Бибикова (Записки. Москва, 1865, с. 97), Сальдерн был отозван из Варшавы за вспыльчивость и беспокойный нрав.

³ См. письмо Сальдерна к Фонвизину 13 июля 1771, из Варшавы. Вяземский, т. V, с. 225.

⁴ Helbig, S. 378 и письмо Сольмса к Ассебургу 31 августа 1773 года. Asseburg, S. 430.

⁵ Herrmann, B. V, S. 678.

⁶ Martens, V. II, P. 173 и 189. Там же помещены грамоты Павла жителям Голштинии и Ольденбурга (стр. 187 и 197). Все эти акты контрастированы Паниным и Сальдерном.

⁷ Деша Гунинга. Сб. РИО, т. XIX, с. 399—402.

⁸ Asseburg, S. 431. Ср. письмо Фонвизина к Обрезкову в его сочинениях, с. 274.

Вернувшись в родной Монбельяр после шестилетней разлуки, Мария Федоровна встретила в своем семействе перемены.

Старший ее брат, принц Фридрих, был уже в это время женат на принцессе Августе брауншвейгской, а сестра ее, Фридерика, была замужем за принцем Петром голштинским.

Эти родственные союзы членов виртембергского дома были, кажется, не совсем приятны Екатерине. Скажем о них несколько слов.

Мы уже упоминали выше, что по смерти императора Петра III Екатерина назначила администратором Голштинии родного своего дядю и двоюродного деда Павла Петровича, принца Георгия.

Принц Георгий умер в 1763 году. «Как по сей кончине опорожнилось место администраторское, писала Екатерина Панину¹, которое, я думаю, никак не может остаться порожним, то, кажется, ближе нет никого, как принца Августа², епископа любского, которому лучше послать, не мешкав, от меня полномочие, дабы ни он сам, ни цесарь, не успели в то вступить. Осиротевших принцев, думаю я, что благопристойность требует взять сюда, а то пить, есть негде им взять будет».

Вследствие этого принц Фридрих Август сделался администратором Голштинии, но сыновья принца Георгия, осиротевшие принцы Август и Петр, почему-то в Россию привезены не были. Панину поручено было Екатериною³ достать кого-нибудь представить к молодым принцам, потому что Екатерина сколько ни наведывалась, но сыскать не могла такого человека, и в 1765 году к ним назначен был полковник Стааль. Во время их путешествия по Европе, они, по воле Екатерины, назывались графами ольденбургскими. Замечательно, что Стааль представлял в начале путешествия, отправиться с принцами в Лозанну или Женеву, но Екатерина написала против этого: «отправиться только не в Лозанну и не в Женеву, чтоб не быть в близости от Вольтера, а лучше ехать в Берн».

В марте 1767 года Стааль подал императрице записку, в которой, хваля принцев, представлял, между прочим, о надобности путешествия в Турин для определения принцев в тамошнюю академию, что и было одобрено Екатериною⁴.

Принцы получили в этой академии отличное воспитание; в них не было того воинского духа, от которого, по словам Екатерины, многие, им подобные, одичали (*abrupti*). Приписывая себе хорошие результаты их воспитания, Екатерина хвалилась этим перед Ассбургом, когда предлагала ему уговорить принца виртембергского вверить ей воспитание одной из его дочерей⁵.

Не задолго до свадьбы Павла Петровича с Натальей Алексеевной принцы прибыли, 18 сентября 1773 года⁶ в Петербург.

Они явились прежде к Павлу Петровичу, который уже, в качестве главы голштинского дома, представил их императрице.

Принц Август поступил на службу в русский флот и 3 июля 1774 года утонул близ Ревеля⁷, а принц Петр служил под начальством графа Румянцева в дунайской армии⁸. Он, по словам Екатерины, обещал гораздо более старшего брата; все согласны были, что

¹ Сб. РИО, Т. VII, с. 330.

² Фридриха Августа, брата умершего принца Георгия.

³ Сб. РИО, Т. X, с. 57–58.

⁴ Сб. РИО, Т. X, с. 73.

⁵ Письма Екатерины к г-ж Бьелке 21 мая 1770 и к Ассбургу 14 мая 1771 г. Сб. РИО, Т. XIII, с. 21 и 93.

⁶ КФЖ, 1773 г.

⁷ Сб. РИО, Т. XIII, с. 413.

⁸ Петров. Война России с Турцией. СПб. 1874, Т. V, с. 35.

он очень любезный молодой человек, приветлив, весел и жив. Екатерина находила в нем поразительное сходство с своею матерью и утверждала, что если уже он не будет иметь успеха в свете, то она и не знает, кто бы мог на него рассчитывать; не было возможности упрекнуть его в самом ничтожном недостатке¹.

В начале 1775 года, перед отъездом Екатерины в Москву, принц оставил Россию².

С. 236–239.

XXV

Было бы, однако же, большою ошибкою думать, что в описываемое нами время (1783—1787) Павел Петрович исключительно наслаждался супружеским счастьем и предавался общественным удовольствиям. В тишине своей жизни в Павловске и I в Гатчине цесаревич не переставал вдумываться в положение России и обслуживал меры к ее благоустройству.

Павел Петрович обладал познаниями разносторонними; путешествие по Европе еще более расширило его кругозор, а общение с такими государственными деятелями, как графы Никита и Петр Панины, граф И. Г. Чернышев, граф Румянцов и князь Репнин дало ему возможность пользоваться их сведениями и опытностью.

Приготовляясь к отъезду в действующую армию, о чем мы будем говорить ниже, Павел Петрович, в виду могущих произойти, в его отсутствие, случайностей, составил в январе 1788 года следующие документы: духовное завещание, три письма к супруге, письмо к детям и особый наказ, в котором изложил свои мысли об управлении государством. В то же время он обще с Мариєю Федоровною составил акт о престолонаследий.

Не может подлежать сомнению, что к положениям, развитым в наказе об управлении государством, Павел Петрович пришел лишь после долгих и глубоких размышлений. Мысли, в нем изложенные, он, впоследствии, привел частично в исполнение. Поэтому изучение наказа Павла Петровича должно идти параллельно с изучением законоположений, изданных им в его царствование³ и в настоящей главе мы лишь вкратце укажем на несколько мыслей этого наказа.

Перечислив сословия в государстве, Павел Петрович с любовью останавливается на крестьянстве, которое «содержит собою все прочие части и своими трудами, следственно, особого уважения достойно и утверждения состояния, не подверженного нынешним переменам его». В частности Павел Петрович находил, что «надлежит уважить состояние приписных к заводам крестьян, их судьбу переменить и разрешить. Не меньшего частного уважения заслуживают государственные крестьяне, однодворцы, черносошные и пахатные, которых свято, по их назначениям, оставлять, облегчая их судьбу».

Слова эти в особенности замечательны в устах сына императрицы Екатерины II. В течение ее царствования, не только ничего не сделано было в пользу крестьянства, но огромное число крестьян было обращено в крепостные по пожалованиям, и крепостное право утверждено в Малороссии.

¹ Письма к г-же Бьелке. Сб. РИО, т. XIII, с. 438 и т. XXVII, с. 23—24 и 30—31. Ср. письма к Гримму, с. 67, 104, 106 и 113.

² В последний раз имя его встречается в КФЖ 11 января.

³ Это сравнение отчасти сделано г. Семевским, напечатавшим все означенные документы в Вестнике Европы 1867 I.

Не менее любопытны отзывы Павла Петровича о двух главнейших статьях государственного дохода: вине и соли. Последняя часть, по его словам, запущена, а первая основана на злоупотреблении, ибо коронная монополия развратительна для нравов; и так искать сей доход не прибавлять, а убавлять, заменяя прилежанием в других отраслях.

«Доходы государственные — государства, а не государя, — продолжает Павел Петрович, — и составляя богатства его, составляют целость, знак и способ благополучия земли. Поэтому расходы должно соразмерять по приходам и согласовать с надобностями государственными и для того верно однажды росписать так, чтобы никак не отягчать земли, и из двояких доходов: с земли или с промысла, первые держать соразмерно возможности с надобностию, ибо уделяются от имений частных лиц; другие поощрять, ибо основаны на трудах и прилежании, всегдашних средствах силы и могущества земли».

Что касается политического внешнего положения России, то Павел Петрович находил: «что нам большой нужды нет в чьей-либо помощи: мы довольно сильны сами собою, если захотим пользоваться своею силою. Поэтому великий князь указывал на необходимость поддерживать политическое равновесие, которое должно быть сообразно с физическим и моральным положением всякого государства, в рассуждение соседей своих, которым стараться наиболее делать добра. Достичь этого можно доброю верою в поведение, которое на первые должно быть основано на честности, и союзами на севере с державами, которые больше в нас нужды, а местничества с нами иметь не могут».

В этих последних словах нельзя не видеть влияния идей воспитателя Павла Петровича, графа Панина, постоянного партизана так называемой северной системы.

Но главный пункт наказа Павла Петровича выражен в следующих кратких словах: «надлежит положить закон, кому именно быть Государем».

В то время не существовало еще положительного закона о престолонаследии в России и в силу начала, принятого Петром Великим, царствующий государь мог избрать себе преемника по усмотрению и устранить избранного. Правило это повторено было и императором Петром III, который не объявил своего сына цесаревича Павла Петровича наследником, а установил формулу присяги, по которой наследник подлежал еще его избранию. Затем, хотя по вступлении на престол императрицы Екатерины присяга приносилась и Павлу Петровичу, как законному наследнику престола, но и в ее царствование возникала мысль о возможности отмены этого объявлением наследником великого князя Александра Павловича. Эта неопределенность одного из важнейших начал государственной жизни озабочивала Павла Петровича и в равной мере Марию Федоровну. Поэтому, в развитие только что указанного начала, они, общим их добровольным и взаимным согласием, по зрелом обсуждении и с спокойным духом, постановили общий акт, которым, по любви к отечеству, избрали наследником, по праву естественному, сына их старшего, Александра, а по нем все его мужеское поколение и затем точно определили, во всех случаях, порядок престолонаследия. Положив правила наследства, цесаревич и его супруга объяснили, в том же акте, и причины оных. Оне суть следующие: «дабы государство не было без наследника, дабы наследник был назначен всегда законом самим; дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать и дабы сохранить право родов в наследии, не нарушая права естественного и избежать затруднений при переходе из рода в род».

Акт этот, обнародованный только в день коронования Павла Петровича, 5 апреля 1757 г.¹, составлен был им и Мариєю Федоровною 4 января 1788 года.

¹ ПСЗ, т. XXIV, № 17910.

Взгляд Павла Петровича на порядок престолонаследия был противоположен взглядам Екатерины. По ее мнению, в случае несовершеннолетия сына умершего государя, на престол должна бы вступить его мать и царствовать во всю жизнь¹.

Составив этот акт, Павел Петрович, в двух письмах к супруге, указал на то, что во время его отсутствия из Петербурга, Россию могли поразить два несчастья: смерть императрицы и кончина его самого. В виду этих несчастных случайностей, цесаревич преподал своей супруге наставления относительно ее образа действий, В первом случае Мария Федоровна должна была, прежде всего, потребовать принесения присяги Павлу Петровичу и его сыну Александру, как наследнику. Во втором случае, то есть если бы кончина императрицы последовала после смерти цесаревича, Мария Федоровна должна была немедленно объявить императором старшего ее сына Александра и в случае его малолетства быть правительницею, до совершеннолетия императора, которое начинается в шестнадцать лет.

Эта предусмотрительность показывает, до какой степени Павел Петрович убежден был во вреде, которое отсутствие точного закона о престолонаследии приносило России в течение всего XVIII века. Отказываясь, по собственному побуждению, от права, которое ему принадлежало, Павел Петрович на себе подал пример того, что для главы государства на первом месте должен стоять неизменный и твердый закон.

Один из дипломатических агентов при дворе Екатерины, генуэзский министр Риварола, оставил следующий отзыв о цесаревиче Павле Петровиче. «Достоин удивления стойкий характер великого князя. Удаленный от государственных дел, ограниченный в средствах, он искренно признателен своим воспитателям и неизменно почтителен к августейшей своей матери. Он свято чтит память своего первого наставника, покойного графа Панина, постоянно покровительствует его друзьям и не доверяет его врагам. Его добродетель, светлые ум и трудолюбие известны в его круге. Кто может дать лучшие доказательства любви в домашнему миру и непобедимого отвращения к государственным переворотам, замедляющим успехи просвещения»².

Это отвращение к государственным переворотам, это чувство законности, служит единственным объяснением деятельности цесаревича Павла Петровича и той страстности, с которою он относился ко всему, в чем видел неправду и неисполнение закона.

И не напрасно Павел Петрович чтит память своего воспитателя: развитием и укреплением в себе чувства законности он именно обязан был графу Панину, мечтавшему перевести в Россию законные формы шведского государственного устройства.

Наконец, в том же наказе, говоря о военных силах, морских и сухопутных, Павел Петрович заметил, что их следует привести в непоколебимое сильное состояние пропорциональным количеством и дисциплиною и что войска и флот надлежит учить, а государю смотреть.

Эти последние начала Павел Петрович имел возможность привести в исполнение еще в бытность свою наследником.

По возвращении его из-за границы составлены были в — 1783 году, 6 марта, две постоянные команды, каждая в числе 30 человек, взятых из флотских батальонов, бывших в подчинении Павлу Петровичу, как генерал-адмиралу, для караула на Каменном острове и в Павловске, взамен назначавшихся туда, по очереди, караулов.

¹ Проект манифеста о престолонаследии, РС, т. XII, с. 38.

² Макушев. Россия в XVIII веке по реляциям Риваролы. Памятники. СПб, 1873, т. III, с. 33.

В 1784 году каждая команда, вероятно в виду наплыва в Гатчину и Павловск беглых крепостных людей, о чем мы говорили выше, увеличена до 80 человек. Начальство над обеими поручено было барону Штейнверу.

В 1785 году сформировано уже пять рот, получивших наименование батальона Его Высочества.

В 1785 году, Павел Петрович принял в непосредственное свое ведение кирасирский своего имени полк¹.

С. 268–270.

XXIX

Мы имели случай неоднократно упоминать, что Павел Петрович постоянно и неуклонно проводил одну мысль, — союз России с Пруссией. Привязанность эту поддерживал в нем граф Н. И. Панин² и она окончательно окрепла во время пребывания его в 1782 году в Германии, где великий князь видел себя окруженным немецкими фюрстами.

В бытность его за границею начались уже между германскими владетелями толки о союзе князей, с участием в союзе Пруссии, для противодействия императору Иосифу II, напугавшему Германию разного рода предложениями об обмене земель.

Императрица Екатерина II хотя и не придавала значения союзу князей, своим глубоким государственным умом, понимая, что этот союз не мог иметь практического значения, но желая поддержать своего союзника императора Иосифа II, предписала русскому посланнику во Франкфурте на Майне, графу Н. П. Румянцеву, стараться препятствовать, сколь можно, образованию этого союза.

Граф Румянцев действовал не только согласно этому приказанию, но даже, быть может, с большего, чем от него требовалось, энергиею, хотя это не соответствовало видам Павла Петровича, который обещал ему в будущем звание министра иностранных дел³.

Прусский посланник в Петербурге, граф Герц, постоянно и весьма похвально отзывался Фридриху II о «прошломоднем друге», как между ними условлено было называть Павла Петровича⁴. Этот друг настраивал саксонского посланника в Петербурге, Сакена, в пользу союза князей, и не раз заявлял Фридриху, через Герца, что «больше всего на свете желает соединения князей, которое кажется ему весьма важным для интересов прусского короля». «Прошломодний друг» сообщил ему, что известие о союзе князей было «столь же неприятно» Екатерине, как и Иосифу: «она оценила средства, изысканные гением и высокою мудростью короля, чтобы не только воспрепятствовать обмену земель, но еще извлечь из него пользу для своей славы и для своего великого значения». Павел Петрович намекал этим на то, что Фридрих «принудил два честолюбивые императорские двора формально отпираться и отречься от плана, который они считали столь важным и легким». «Здесь (т. е. в Петербурге) признаются, — прибавлял “прошломодний друг”, — что не ожидали этого и не предвидели последствий... Эта дворы сами доказывают, как необходима ассоциация князей. И если

¹ Барановский. История кирасирского полка. СПб, 1872, с. 112.

² Кауниц советовал Иосифу II осторожнее писать в Петербург, потому что Панин «иногда сообщает перехваченное прусскому королю». Beer. Joseph II, Leopold II und Kaunitz. s. 27.

³ Письмо Гогенфельса к Герцбергу 16 октября 1784. Schmidt. Unionsbestrebungen, B. 1, S. 109 и Трачевский. Союз князей. СПб, 1877, с. 138.

⁴ Schmidt, b. I, S. 222, Трачевский, с. 281. В 1784 году Фридрих II писал своему брату Генриху, что Павел Петрович упорно продолжает быть крепко привязанным к Пруссии. Oeuvres, V. XXVI, p. 508.

бы, к несчастью, она не удалась, то не было бы хуже прежнего. Ведь у этих дворов осталось бы желание отметить за опасный удар, который нанесли было честолюбию Императора».

Но план союза князей удался, благодаря настойчивости Фридриха II¹. Этот союз был лебединою песнью великого короля. Он скончался 17 августа 1786 года.

Его племянник и наследник Фридрих Вильгельм не пользовался, как мы видели, расположением Екатерины², напротив того, был очень дружен с Павлом Петровичем. Сношения с ним Павла Петровича постоянно продолжались, не смотря на то, что Герц тогда уже не был посланником в Петербурге³. Эти сношения шли чрез старинного друга Герца, Алопеуса, состоявшего на русской службе. «Алопеус, — сказано в записках Герца, — пользовался особенным доверием великого князя, который, зная его отношения к Герцу, прибегал к их переписке, чтобы сообщать известия и намеки прусскому королю и, в свою очередь, получать то же от него. Чтобы эти сношения не были вполне поняты и чтобы они представляли менее опасности, если бы неутомимые агенты Екатерины открыли их, придумали особенные названия для разных лиц и предметов. Так великий князь был мейстер Грен, прусский король-фон Д.б...г., Алопеус-Штралькорн, данцигское дело — работа г-на Палласа и т.д. Этим-то путем, неизвестным ни берлинскому министерству, ни прусскому посольству в Петербурге, оба принца поддерживали между собою дружественные связи и взаимное доверие. Когда в сентябре 1787 года король спросил, между прочим, какой союз предпочитает великий князь, французский или английский, Павел Петрович высказался в пользу последнего и прибавил: “Бог знает, как сложатся обстоятельства, когда я приобрету влияние на дела; пока могу сказать только, что неизменна моя приверженность к системе, связующей меня с прусским королем и что я от всего сердца буду согласоваться с его намерениями”. Подобные признания, узнай о них императрица, навлекли бы неприятные последствия для великого князя и сделали бы несчастным его доверенное лицо, Алопеуса. И как близки были к разоблачению все тайные сношения между великим князем и королем. Австрийскому кабинету, зорко следившему за отношениями Пруссии к русскому двору, удалось добыть все, как зашифрованные, так и разобранные депеши прусского посланника в Петербурге, с апреля по август 1787 года, а также все инструкции ему из Берлина. Он препроводил копии с них своему посланнику в Петербурге, отчасти для надлежащего их употребления, отчасти же, чтобы лучше разъяснить их. Из этих депеш вытекало, что существует тайное соглашение между великим князем и прусским королем и что первый назывался в них другом Аттиком; однако не попали ни на какой другой след и дело не имело никаких других последствий»⁴.

Эта привязанность Павла Петровича к Пруссии была чертою, наследованною им от его родителя, и образ его действий напоминает поведение великого князя Петра Федоровича, в бытность его наследником, во время семилетней войны.

Между тем отношения Пруссии к России ухудшились в 1788 году, когда Пруссия предложила свое посредничество в шведской войне. Вмешательство Пруссии принято было Екатериною так дурно, что в 1790 году оно едва не привело к разрыву. Разумеется, что это было крайне тяжело Павлу Петровичу. Он заболел и по словам современника

¹ Первое начало союзу положено было трактатом 23 июля 1785 г. Трачевский, с. 287.

² См. отзывы ее о нем в разборе сочинения Денины. Храповицкий, с. 483.

³ «Герц получил отпуск и сюда уже конечно не будет, насилиу его выжили.» Письмо Безбородко 24 октября 1785. АКБ, т. XIII, с. 94.

⁴ Görtz, В. II, S. 204; Трачевский, с. 407.

«здоровье его расстроил не один физический припадок, происшедший от простуды, но к оному присовокупился и нравственный, навлеченный угрозением прусской войны»¹.

Понятно, что подобный образ действий Павла Петровича имел влияние на русскую политику. Многие русские дипломаты были убеждены, что король прусский имел у нас друзей, которые ему все сообщали и пристрастие цесаревича к Пруссии заставляло некоторые иностранные дворы воздерживаться, в виду могущих произойти в будущем перемен, в их политических комбинациях², потому что хотя «Императрица и не склонна была к прусской системе, но меньшей двор в руках там совершенно»³.

Очевидно, что и Екатерина очень хорошо знала о пристрастии ее сына к Пруссии и однажды, после беседы с ним заметила: «вижу, в какие руки попадет империя после моей смерти. Из нас сделают провинцию, зависящую от воли Пруссии»⁴. Это может служить объяснением того, что Павел Петрович мало-помалу терял и то небольшое участие в делах, какое еще имел. Он более и более стал уединяться в своих загородных дворцах.

Содержание этих дворцов и придворного штата, те праздники, которые Павел Петрович и Мария Федоровна давали в первые годы их жизни в Павловске и в Гатчине, наконец содержание небольшого отряда войск, требовали очень значительных расходов. Не смотря на крайнюю бережливость Павла Петровича и Марии Федоровны, средства их оказывались недостаточными. «Kommt Zeit, kommt Rath», говаривал про это иногда великий князь⁵, но время не приходило долго, а расходы росли.

Естественно, что за помощью великий князь и его супруга обратились к императрице, но Екатерина, вообще столь щедрая, не нашла возможным удовлетворить их просьбу. «Вы, конечно, можете хорошо судить о том, — писала она им, — что мне неприятно видеть вас в нужде; можно предполагать, что вас постоянно обкрадывают, откуда и происходит нужда, хотя у вас и нет ни в чем недостатка»⁶.

Тогда Мария Федоровна обратилась с просьбою о ссуде к отцу, и кажется с большим успехом⁷. Но тем не менее наследнику престола приходилось, по необходимости, прибегать к займам у частных лиц. Его снабжал деньгами Вадковский⁸, князь Куракин заложил однажды одно из своих имений, чтобы добыть нужную для Павла Петровича сумму⁹ и, как говорит предание, даже Потемкин заплатил однажды его долги¹⁰.

Другое предание рассказывает, что в первые дни по воцарении Павла Петровича, пришел во дворец с хлебом и солью простой ямщик. Когда, по настоятельной его просьбе, его допустили к императору, он принял его милостиво и как случилось тут же быть и Марии Федоровне, то спросил у нее, узнала ли она мужичка; когда же Мария Федоровна отвечала, что не знает, то Павел Петрович возразил: «как это матушка, ты

¹ Записки Гарновского 9 октября 1790, РС, 1876, т. XVI, с. 438.

² Письма гр. С. Р. Воронцова из Лондона, АКВ, т. IX, с. 47, 165 и т. XVI, с. 193 и 201.

³ Письмо Безбородко 10 февраля 1788, АКВ, Т. XIII, с. 143.

⁴ Гаррис у Herrman, В. VI, S. 451.

⁵ Долгорукий, с. 72.

⁶ Письмо Екатерины (sine anno) в РС, 1874, т. IX, с. 54. Екатерина вообще очень строго относилась к расходам Павла Петровича. Так, в 1788 году она приказала давать строгий отчет в деньгах, издерживаемых на прогоны во время присутствия его в Гатчине, находя, что на это много издерживается. РС, 1876, Т. XV, с. 704.

⁷ Письмо к отцу 30 мая 1784 г. Сб. РИО, т. XV, с. 13.

⁸ Письмо к нему Павла Петровича. ОВ, т. III, с. 418.

⁹ Павловск 16 и РА, 1868, с. 23.

¹⁰ РС, 1874, т. XI, с. 153.

позабыла! Не помнишь ли как этот мужик нам однажды на 2000 рублей лошадей поверил»¹.

¹ Рассказ Болотова. РА, 1864, Т.V, с 602.